

Православные притчи для детей и взрослых

Авва Даниил говорил: «Авва Арсений рассказывал нам будто о каком-то человеке, вероятно, это был он сам, следующее. К одному старцу, когда он сидел в келлии, был голос: «Иди! Покажу тебе дела человеческие». Он встал и пошел. Голос привел его в одно место и показал ему эфиопянина, который рубил дрова и, нарубив большое бремя, хотел нести его, но не мог. Вместо того, чтобы убавить из бремени, он опять рубил дрова и прикладывал к бременю, и это делал очень долго. Когда старец прошел немного далее, голос показал ему другого человека, который стоял у колодца и, черпая из него воду, лил ее в пробитый сосуд, и вода вся опять уходила в колодец. Потом сказал ему: «Пойди! Покажу тебе еще что-то». И видит старец храм и двух мужей, которые сидели на конях и держали бревно один против другого. Они хотели войти в дверь, но не могли, потому что бревно было концами по сторонам двери, и ни один из них не хотел смириться и встать позади другого, чтобы пронести бревно вдоль, потому что оба оставались за дверью. «Это, — говорил голос, — те люди, которые как будто несут иго правды, но с гордостью и не хотят смириться, чтобы исправиться и идти путем смирения Христова, потому и остаются вне Царствия Божия. Рубящий же дрова означает человека, обремененного многими грехами, который вместо того, чтобы покаяться в них, прилагает к своим грехам новые беззакония. А черпающий воду изображает такого человека, который хотя и делает добрые дела, но примешивает к ним и худые, а потому губит и свои добрые дела. Итак, всякому человеку надобно бдеть над своими делами, чтобы не напрасно трудиться».

(Достопамятные сказания. С. 21. № 33.)

Как преподобный Елеазар умел побеждать свои желания, показывает следующее повествование: «Случалось, что ему приходило на мысль вкусить рыбы. Он приготавливал ее, ставил перед собой и, не дотрагиваясь, укорял себя в невоздержании. Нетронутая пища оставалась в келлии, разлагалась, тогда подвижник говорил себе: «Ешь теперь, если хочешь».

(Соловецкий патерик. С. 89.)

ЗЁРНЫШКО

Приходской листок храма Свт.Николая пос.Николо-Прозорово апрель.'09

Слово об искуплении

Что убедило Сына Божия Господа нашего прийти в мир, воплотиться, пострадать и умереть за нас, — и я хочу о том поразмышлять и написать тебе, чтобы и у меня, размышляющего, и у тебя, слышащего, всегда великое сие дело обращалось перед душевными глазами. Ибо всегда должны мы о сем великом деле помнить и за это Бога нашего от сердца благодарить. Известно из Святого Писания, что все люди, сколько их ни было, — и есть, и будет, — согрешили пред Богом. «Все согрешили и лишены славы Божией» (Рим 3:23). Всех Писание заключило «под грехом» (Рим 3:9). А «написано:

проклят всякий, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона» (Галл.3:10). Следовательно, все люди подверглись проклятию, как законопреступники (Галл.3:10), и следовало всем, в силу проклятия, вечной казни и мучению преданным быть, ибо этого требует закон, проклинающий беззаконников. Христос Сын Божий от клятвы закона искупил нас не «серебром или золотом, но драгоценною Своею Кровию» (1 Пет 1:18) и смертью, как апостол написал: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою, ибо написано: проклят всякий, висящий на древе» (Галл.3:13). И так Христос сделался ради нас клятвой, дабы нам подать благословение, и грехи наши на Себя взял, дабы нам Свою правду верой подать, следовательно, и от вечной казни, которая клятве последует, избавил нас, и отворил вечное блаженство, которое благословию Божию последует. Так ему Святая Церковь поет: «Искупил ны еси от клятвы законная честною Твоею Кровию, на кресте пригвоздився, и копием прободся, безсмертие источил еси человеком, Спасе наш: слава Тебе». Итак, видишь, что убедило Христа ради нас распяться и умереть: то есть неизреченная Его к нам любовь и крайняя наша бедность и погибель вечная, которой мы все подлежали.

Страшна клятва, страшен и грех. Клятва вечному осуждению и мучению предаёт, а грех клятве подвергает грешника. Потому страшно грешить и Божий закон нарушать, ибо нарушенный закон клятвой поражает грешника, клятва же вечной подвергает казни.

По творениям Тихона Задонского

Вспоминая вход Господень в Иерусалим, как страшно видеть, что целый народ встречал Живого Бога, пришедшего только с вестью о любви до конца - и отвернулся от него, потому что не любви они искали, потому что страшно было так любить, как заповедал Христос, - до готовности жить для любви и умереть от любви.

Митрополит Антоний (Сурожский)

Омовение Господом ног ученикам перед Тайной вечерей

После длительного путешествия из загородного поместья за такую вечерю, как пасхальная, надлежало сесть, по восточному обычаю, с ногами омовенными. Все нужное для омовения было приготовлено заранее в горнице: не было только прислужника, который бы омыл всем ноги. Для взаимной любви это был прекрасный случай оказать взаимную услугу. Но ученики, сверх всякого чаяния и, вероятно, не без искушения от адского вейтеля, отнеслись к этому случаю совершенно иначе: вместо духа смирения и братского единодушия открылся дух превозношения; слышались даже вопросы, кто больше и лучше и кто меньше и хуже. Ни один не хотел быть ниже другого, тем более — всех; и ноги у всех оставались неомовенными.

Нестерпимым хладом веяло от такого спора на любвеобильное сердце Иисусово. Он безмолствовал, ожидая, что взаимная любовь учеников (не ослабевшая от подобных прекословий) сама возьмет верх над детским любочестием. Но когда увидел, что ученики уже готовы, не кончив спора, садиться за стол, тотчас встал Сам, снял с Себя верхние одежды и, опоясавшись лентием (спор, без сомнения, тотчас умолк в ожидании, что будет), взял один из сосудов, стоявших для омовений, налил воды в умывальницу и (к изумлению всех) начал омывая ноги ученикам и отирать лентием. Первый (*Иуда?*), в смущении, невольно повинуется; прочие безмолвно следуют его примеру; никто не смеет остановить Учителя, хотя все чувствуют, что были причиной такого чрезвычайного поступка, скорбят душой, что подали к нему повод неуместным превозношением.

Наконец дошла черда до Симона Ионина. Пламенная душа его не могла вынести мысли, что Христос, Сын Бога живого, будет служить ему вместо раба. *«Господи, Ты ли мои умыеши нозе?..»*

«Еже аз творю, — отвечал Господь, — ты не веси ныне, уразумевши же по сих».

Тихая и таинственная важность этих слов требовала немедленного и безусловного повиновения. Но Петр привык в действиях своих следовать более чувству, нежели рассудку. *«Что тут разуместь, — мыслил он, — где идет дело о таком унижении Учителя и Господа?»*

«Не умыеши ногу мою во веки». Все движения говорящего показывали, что он сдержит свое слово.

В другое время такое смирение могло бы заслужить похвалу от Того, Кто Сам был кроток и смирен сердцем. Но теперь было не до нового спора о том, кто смиреннее — Учитель или ученик. Надлежало приподнять завесу.

«Аще не умыю тебе, — отвечал Господь уже возвышеннейшим голосом, — не имаша части со Мною».

При этих таинственных словах уже нельзя было не понять, что дело идет более, нежели о чувственном омовении. Петр тотчас пробудился от самомнения, и весь пламень обратился к противную сторону...

«Господи, не нозе мои токмо, но и руце и главу». — Твори со мной все, что Тебе угодно; только не лишай части с Тобой.

«Изможенный» (в душе и совести, — посредством Моего учения и духа и крови, которая прольется на кресте, каков ты), — отвечал Богочеловек, омывая ноги Петру, — *не требует* (более как) *токмо нозе умыти* (новым наитием Св. Духа, Которого настоящее омовение служит предтварением и символом, для полного очищения от предрас-судков и слабостей, какие в Петре были: излишнее надеяние на свое мужество и на свою любовь к Учителю)».

«И вы чисти есте, — присовокупил Господь, обратившись к прочим ученикам, — но не вси...»

«Знал Он, — замечает св. Иоанн, — что между ними есть один — предатель, посему и сказал: не вси чисты» (Ин. 13, 11).

Несмотря на важность такого обличения нечистоты и на его неопределенность, по которой оно могло падать на каждого, никто из учеников не смел спросить Учителя о том, что это за нечистота и кто нечист? Сам много-речивый Петр безмолствовал. Всеумиряющим действием смирения Иисусова сердца возвращены были к их естественной простоте и утишены до того, что не могли взволноваться даже от любопытства. Оставалось только в глубине чувство сожаления о том, что своим неуместным спором о первенстве принудили Учителя и Господа к такому униженному служению, а в Симоне еще и о том, что он, хоть на минуту, дерзнул выдавать себя за человека, не нуждающегося в омовении от Того, Кто один только может очищать нечистоту всех и каждого.

Святитель Иннокентий Херсонский Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Гл 12